

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

НИКОЛАЕВА М. А.

О ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ ЛИНГВИСТОВ

Начало сближения современной французской лингвистики и логики относится к концу 60-х и началу 70-х годов. Еще в 1966 г. вышел специальный номер журнала «Langages», озаглавленный «Логика и лингвистика» [1]. Позднее ряд номеров этого издания и другие публикации были посвящены той же проблематике [2—7]. Значительным событием стало опубликование книги О. Дюкро [8], в которой автор стремился показать возможность использования в лингвистическом анализе логических моделей. Оценивая важность этой работы, Р. Мартен, один из видных представителей логико-семантического направления во французской лингвистике, писал, что она «вызвала к жизни новый тип исследований, способный, по-видимому, привести к полному обновлению теоретических концепций» ([9], ср. [10]). Лингвисты обращаются к различным направлениям логики — от логики Аристотеля до современных модальных логик — не только потому, что логические языки могут быть использованы в качестве метаязыка описания естественных языков и средства его формализации, но также и потому, что это дает возможность глубже вскрыть своеобразие, сложность и уникальность естественного языка.

Среди исследований проблем семантики с использованием логических методов намечаются три направления: 1) о н о м а с и о л о г и ч е с к о е, при котором аксиоматически полагается существование концептов — компонентов сложных понятий, — с которыми затем сопоставляются данные естественных языков; 2) т е о р е т и ч е с к и е построения на основе некой «естественной логики», свойственной языкам (психо-механическая теория Г. Гийома, концептуальный план языка в теории Б. Потье и др.); 3) л о г и к а а р г у м е н т а ц и и и р е ч е в ы х а к т о в, разрабатываемая О. Дюкро и его последователями [10].

В данном обзоре мы остановимся на двух фундаментальных исследованиях, в которых подводятся итоги многолетних дискуссий по логико-лингвистическим проблемам и предлагается собственная оригинальная их трактовка. Это — исследование Ж. Клейбера [11] и книга Р. Мартена [12]. Эти работы в определенной мере дополняют одна другую, демонстрируя два разных подхода к вопросам лингвистической семантики.

Книга Ж. Клейбера представляет собой обширное исследование, в котором рассматриваются в историческом и критическом планах основные проблемы лингвистической референции. При изложении своей собственной концепции автор идет от общих проблем к более частным вопросам. В первой части книги обсуждаются следующие положения: имеют

ли референциальную функцию 1) все лексические единицы, 2) только существительные, 3) только именные синтагмы. Как это ни парадоксально, автор не считает указанные точки зрения несовместимыми. Он исходит из существования двух уровней референции: уровня внутривербных потенциальных референтных свойств лексических единиц и уровня актуальной референции в речевых актах, осуществляемой говорящими. При этом доказывается, что актуальная референция слов зависит от их виртуальной референтной способности, понимаемой как отражение в смысловом содержании слов условий их соотнесения с экстралингвистическим объектом. Подобная точка зрения расходится с мнением о том, что «референция характеризует употребление языка говорящими и не является свойством самих выражений» [13]. Ж. Клейбер не закрывает глаза на существенное различие между потенциальной референтностью языковых выражений и конкретным отнесением их к объектам мира в речи. Однако он считает возможным объединить их на общей основе. Референтные свойства языковых выражений обусловлены системой экзистенциальных пресуппозиций. Автор отдает себе отчет в том, что связывая значения лексических единиц с их виртуальной референтностью, т. е. с отношением к экстралингвистическому миру, нельзя обойти вопрос об онтологическом статусе языкового значения. Эта проблема в целом относится, по его мнению, к компетенции философии, лингвист же рассматривает ее только в интересующем его аспекте. Ж. Клейбер считает, что все лексические единицы, в том числе прилагательные, глаголы, существительные абстрактного значения, предполагают существование соответствующих референтов: свойств, действий, состояний. Природа этих виртуальных референтов, в том числе и виртуальных референтов конкретных существительных, носит чисто концептуальный характер. Виртуальные референты — концепты — представляют собой, по его мнению, абстрактные мыслительные сущности, еще не получившие грамматической категоризации [11, с. 24]. Различие между прилагательным, выражающим определенный признак, и соответствующим существительным обнаруживается не на уровне концептов, а на уровне их референтной функции в предложении. Если в предложении концепт *белый* должен занять референтную позицию, он принимает именную форму *белизна*. Сам же выбор референтной или предикатной позиции — дело говорящего, его пропозициональный акт. Таким образом, отношение между парами слов типа *белый* — *белизна*, *мудрый* — *мудрость*, анализируемое обычно в терминах лексической производности и номинализации, есть прежде всего отношение функциональной первичности. Первичная функция прилагательного — служить предикатом, и лишь на вторичном уровне, по аналогии с базовой структурой «индивидуальный объект — концепт», оно может в именной форме стать объектом, которому предципируется какое-либо свойство¹.

Какова же разница между концептом и означаемым? Она заключается, по мнению автора, в различной ориентации. Концепты — экстралингвистические сущности, которые противоплагаются другим экстралингвистическим сущностям, тогда как означаемые неразрывно связаны с языковыми единицами (ср., например, разное значение вопросов: *Что такое лошадь?* и *Что означает слово «лошадь»?*).

Хотя языки по-разному членят действительность, общность природы

¹ Разумеется, речь идет лишь о логическом отношении: употребление в референтной позиции существительного со значением свойства, не образованного от прилагательного (например, франц. *mansuetude*), осознается как вторичное [11, с. 104].

людей должна, как полагает Ж. Клейбер, приводить к некоторым константам в способе отображения в языке мира и его постоянных характеристик. Различие между языками находится в пределах этих констант. Так, универсальная классификация концептов по категориям — предметы, живые существа, свойства, действия — свидетельствует об определенном единообразии языкового отображения реальности. Эти соотношения ведут к постулированию существования аксиоматических, неанализируемых единиц — нозм — более глубинных, чем семы, и представляющих собой универсальные семантические элементы, свойственные всем языкам. В результате лексикализации — закодированного сокращения комбинаций первичных концептов — образуются семантически непрозрачные единицы, несущие пресуппозицию существования своих референтов. Создание лексических единиц, позволяющих называть вещи непосредственно, а не через их свойства, свидетельствует о важности соответствующих концептов для данной социально-культурной группы. Языковые концепты — виртуальные референты лексических единиц — приложимы ко множеству отдельных объектов. Отсюда делается важный вывод: языковые выражения не могут сами по себе идентифицировать единичные объекты без экстралингвистических знаний говорящих [11, с. 31]. Уровень концептов в отвлечении от грамматических характеристик выражающих их слов является исходным для референтных свойств языковых выражений. Предполагается, что отдельные классы концептов передаются преимущественно определенными разрядами слов, которые вместе с тем способны выражать и другие классы референтов. Это относится в первую очередь к существительным, обозначающим концепты не только пространственных объектов, но и качеств, действий, состояний и т. д.

В соответствии с природой виртуальных референтов выделяются два класса существительных: 1) категорематические и 2) синкатегорематические [11, с. 39]. Первый разряд подразделяется в свою очередь на индивидулирующие, обозначающие исчисляемые предметы, и глобализующие существительные, которые называют неисчисляемые объекты. Концепты, выражаемые категорематическими существительными, соотносятся с объектами, которые составляют однородную и устойчивую референтную категорию (*собака, снег*), причем у индивидулирующих существительных эта референтная категория понимается как класс референтов, состоящий из отдельных объектов. Концепты, выражаемые синкатегорематическими существительными, соотносятся с объектами, которые не образуют подобной однородной и устойчивой категории. Так, концепты слов *близна, мудрость* соотносятся с разнородными референтами: *близна снега, извести, белья* [11, с. 39]².

Поскольку индивидулирующие категорематические имена имеют пресуппозицию существования устойчивого референтного класса и поэтому референтно автономны, их референты представляются более реальными, чем референты синкатегорематических существительных. Именно на этом основано утверждение о том, что индивидулирующие категорематические существительные являются типичными референтными языковыми единицами.

Переходя к уровню функциональных единиц, автор показывает,

² Разделение существительных на категорематические и синкатегорематические не совпадает с оппозицией «конкретные/абстрактные существительные», т. к. среди синкатегорематических имен имеются и конкретные (*бег, стрельба, оттепель*), а среди категорематических — неконкретные существительные (*лингвистика, химия* и др.).

почему основную роль в референции обычно играют именные синтагмы — именные группы (ИГ). Полутно уточняется понятие актуализации. Во французском языке существительное актуализуется не на уровне ИГ путем его сочетания с артиклем или другим детерминативом, а лишь в высказывании при его отнесении к единичному объекту. Однако и в предложениях не все сочетания существительного с детерминативами служат актуальной референции. Таковы имена в позиции предикатива в составном сказуемом (*je suis un homme*), а также в других конструкциях: *aussil homme n'est venu, il est faux que j'aie un ami* и т. д. В этих предложениях ИГ, по мнению автора, также имеют референцию, но не актуальную, ибо они не отсылают к единичным объектам [11, с. 74].

Таким образом, пресуппозиция существования, связанная со всеми лексическими единицами, модифицируется и уточняется при переходе от изолированного слова к ИГ в составе высказывания: все лексические единицы имеют пресуппозицию существования соответствующего концепта; категорематические имена (они составляют большинство слов этого разряда) предполагают существование автономной референтной категории и, наконец, ИГ имеют пресуппозицию существования непустого класса референтов. Уточнение экзистенциальной пресуппозиции интуитивно ощущается как усиление реальности объектов референции.

В рамках разграничения виртуальной и актуальной референции решается вопрос о референтности предикатов. Предикаты не имеют референции в пропозициональном смысле. Если предложение имеет две позиции (референтную и предикатную), то языковые выражения референтны только в первой позиции. С другой стороны, предикатное выражение, как и любая лексическая единица, имеет пресуппозицию существования соответствующего референта (например, свойства (*sagesse*) в предложении *Pierre est sage*).

Актуальная референция к единичным объектам, осуществляемая с помощью ИГ в позициях аргументов при предикате, подразделяется на два вида: единичная определенная (идентифицирующая) референция и единичная неопределенная (неидентифицирующая) референция.

Как же протекает акт референции к единичному объекту? Требование Дж. Серла и П. Стросона относительно того, чтобы говорящий мог, при необходимости, идентифицировать тот или иной объект, представляется автору слишком жестким. Интуитивное понимание единичного объекта как определенного заменяется более общей дефиницией: единичный объект должен рассматриваться говорящим как отличный от всех других предметов того же вида, причем это убеждение может основываться как на собственном опыте говорящего (именно он выделил объект), так и на переданном ему опыте других людей. Осуществляя такую референцию, говорящий верит в существование (реальное или фиктивное) и в единичность объекта или стремится внушить эту веру собеседнику. При этом используется не только значение (виртуальная референция) выражения, но и экстралингвистические знания об объекте. Убеждение говорящего в существовании и единичности объекта составляет прагматическую экзистенциальную пресуппозицию, связанную как с актом единичной определенной референции (это обычно не оспаривается), так и с единичной неопределенной референцией. В последнем случае говорящий, по мысли автора, устанавливает каузальную связь между своим собеседником и объектом референции, причем не только с помощью референтного выражения, но и всего высказывания. Так, услышав предложение *Un homme a escaladé le Mont-Everest*, служащий может, на основании инфор-

мации, заключенной в этом высказывании, идентифицировать референт (в каузальном смысле): *L'homme qui a escaladé le Mont-Everest* [11, с. 154—155]³.

Рассмотрение референтных свойств определенных дескрипций (ОД) поднимает целый ряд проблем. Автор останавливается на трех вопросах: 1) семантико-логическое представление ОД, 2) их атрибутивное и референтное использование, 3) прозрачное и непрозрачное употребление ОД. Ж. Клейбер показывает, что ОД имеют не только прагматическую, но и семантическую пресуппозицию существования и единичности референта. Подробное обсуждение этого вопроса приводит автора к важному выводу: в естественных языках, где не существует абстрактных переменных, система пресуппозиций (от экзистенциальных пресуппозиций, связанных со всеми лексическими единицами, до пресуппозиций существования и единичности, свойственных определенным дескрипциям) избавляет говорящего от необходимости утверждать в каждом акте высказывания существование объектов референции. В логических языках это утверждение обязательно, т. к. здесь единственной пресуппозицией является существование переменных и предикатов [11, с. 211].

В связи с обсуждением референтной функции ОД автор высказывает свою точку зрения на продолжающуюся многие годы дискуссию об истинностном значении предложений с ОД, не имеющими реальных референтов, типа *Нынешний король Франции лыс*. Сторонники классической двузначной логики, вслед за Расселом, оценивают это предложение как ложное. Последователи П. Стросона видят в нем особый тип предложений — предложение с «истинностным провалом», которое не является ни истинным, ни ложным, поскольку содержащееся в нем утверждение относится к несуществующему объекту. Ж. Клейбер пытается показать, что между позициями сторон нет непримиримого противоречия. Но существу, анализируются два разных объекта: анализ Рассела касается логической пропозиции, тогда как Стросон рассматривает логическую структуру высказывания. Логик, который переводит это предложение естественного языка на язык логики и устанавливает его эквивалентность с высказыванием *Ныне существует один и только один король Франции, и он лыс*, вынужден признать анализируемое предложение ложным, ибо он располагает только двумя оценками — истина или ложь. Философы языка и вслед за ними лингвисты смотрят на вещи по-другому. Теория Стросона вскрывает семантические различия между эквивалентными с точки зрения логики предложениями: ложность предложения с нереферентным субъектом иного рода, чем предложения, в котором предикат ложен относительно субъекта.

Другой вопрос, рассматриваемый в книге, — это возможность двоякого употребления ОД, на которую обратил внимание К. Доннелан, разграничивший так называемые референтное и атрибутивное использования ОД. При референтном употреблении ОД служит просто средством выделения объекта и может быть заменена другой ОД или именем собственным. В широко известном примере Доннелана *Убийца Смита* — *сумасшедший* ОД может быть заменена, например, именем преступника — *Джонс*. При атрибутивном использовании ОД предикат прямо связан с содержанием, т. е. с отраженными в ней свойствами объекта. Поэтому ОД не может быть заменена другим обозначением. При атрибутивном прочтении приведенное высказывание интерпретируется следующим об-

³ Другую точку зрения отстаивает О. Дюкро [14].

разом: сам факт убийства или его обстоятельства приводят к выводу, что совершивший его человек — сумасшедший. Опираясь на разграничение референтного и атрибутивного употребления ОД, Довнелак пытался ввести уточнения в логическую характеристику предложений с референтным субъектом. По его мнению, предложение *Нынешний король Франции мыс* не имеет истинностного значения только при атрибутивном прочтении ОД *король Франции*. Если же говорящий использовал эту дескрипцию референтно, например, ошибочно назвав королем Франции нынешнего французского президента, то предложение может быть признано истинным или ложным.

Разбирая лингвистические аспекты референтного и атрибутивного применения ОД, Ж. Клейбер вносит ряд уточнений, и в том числе следующие:

1) Как референтное, так и атрибутивное употребление ОД служит, по его мнению, целям референции к определенному единичному объекту, т. е. оба, по существу, референтны⁴. Различие между ними заключается в самом объекте референции: при референтном употреблении это — экстралингвистический объект, взятый как некое целое, при атрибутивном использовании — свойства объекта, отраженные в ОД [11, с. 236];

2) Атрибутивное употребление возможно только для ОД, которые могут выполнять функцию предиката;

3) Вводится дополнительное разграничение для ОД, референция которых зависит от места и времени использования, типа *король Франции, президент республики, директор лицея*. Различается «плавающее» атрибутивное использование (*usage flottant*), при котором референция производится к самому понятию должности (*Президент республики является главнокомандующим армии*) и «неплавающее» атрибутивное применение ОД (*usage non flottant*), при котором объект референции — лицо, занимающее должность, как таковое (*Президент республики перегружен работой*) [11, с. 250].

Автор отмечает, что хотя двусмысленность референтного или атрибутивного использования ОД возможна, она встречается крайне редко, поскольку возможность разночтений вступает в противоречие с некоторыми «законами дискурса», в частности с законом «максимальной информативности» (*exhaustivité*), подробно описанным О. Дюро. В данном случае максимальную информативность имеют те языковые выражения, которые позволяют слушающему наиболее точно идентифицировать объект референции, например, имя собственное, если оно известно. Поэтому при оценке ОД, которые могут иметь атрибутивное прочтение, слушающий будет склонен трактовать их именно как скрытые предикаты.

Другой вид двузвучности ОД, который разбирается в книге Ж. Клейбера, это оппозиция их референтной «прозрачности/затемненности» в косвенных контекстах, т. е. в предложениях, вводимых глаголами говорения и глаголами пропозициональной установки (*dire, croire* и др.). Автор считает, что, в отличие от предыдущего случая, в косвенных контекстах объект референции один и тот же, но он получает разное обозначение в зависимости от того, чью точку зрения отражает избранная для его обозначения ОД — говорящего или субъекта пропозициональной установки. Возможность разночтений возникает при несовпадении этих точек зрения. Так, предложение *Эдил хотел жениться на своей матери* может быть ложно понято слушающим, если он не знаком с драмой Софок-

⁴ Противоположного мнения придерживается Е. В. Падучева [45].

ла и не знает, что Эдип, намереваясь жениться на Иокасте, не знал, что она его мать. «Затемненное» использование ОД в косвенных контекстах, как и их атрибутивное употребление возможно только для ОД, которые способны занимать позицию предиката.

При исследовании референтных свойств имен собственных (ИС) автор исходит из своего основного положения: актуальная референция языковых единиц определяется их виртуальной референцией, т. е. значением в системе языка. Каково же значение ИС? По своему характеру они не дескриптивны, не несут никакой информации о свойствах объектов именованного и этим коренным образом отличаются от имен нарицательных⁵. ИС, по мнению Ж. Клейбера, представляет собой сокращение предиката наименования, выражаемое формулой «именоваться (N) x» [11, с. 326]. Это значение — «единственный x, носящий имя N» — позволяет осуществлять актуальную референцию к единичному объекту.

Предлагаемая интерпретация противопоставляется как теории индивидуального значения ИС, так и теориям, сводящим языковую сущность ИС к их референтной функции в речи. Что касается связи между ИС и объектом, то она носит произвольный характер и восходит к экстралингвистическому акту наречения, знание о котором передается от одного говорящего к другому. В формуле ИС «именоваться (N) x» глагол *именоваться* имеет языковое, а не металингвистическое значение. Элемент (N) — переменная, гомоморфная означаемому имени.

С позиций изложенной теории два имени, относящиеся к одному и тому же объекту, не синонимичны, хотя и кореферентны. Это объясняет, почему возможно высказывание *Он не знает, что Эверест — это Джомолунга*, тогда как высказывание *Он не знает, что Эверест — это Эверест* аномально. С другой стороны, высказывание *Поль танцует* имеет одно и то же значение, даже если оно относится к разным людям, носящим имя Поль.

Подводя итоги своего исследования, Ж. Клейбер показывает, что 1) многие проблемы, обсуждаемые обычно в логике и философии языка, получают свое разрешение, если подходить к ним с точки зрения лингвистики; 2) частные вопросы референции, такие, как референтность ИС, должны рассматриваться в рамках общей теории, которая указывает пути их решения и вместе с тем проверяется ими.

В книге Р. Мартена «К логике смысла» излагаются основы лингвистической теории, охватывающей язык в целом. Свою семантическую теорию Р. Мартен называет относительно-истинностной семантикой (*une sémantique véri-relationnelle*). Обосновывая свое стремление поставить исследование языковых значений на твердую почву, автор подробно рассматривает соотношение понятий истинности и смысла, поскольку мысль о том, что понятие истинности должно занять центральное положение в семантике, сама по себе отнюдь не очевидна. Семантика М. Бреая, С. Ульмана, историческая семантика, интерпретативная семантика Р. Джэкендоффа и семантика речевых актов почти полностью без нее обходятся. «На первый взгляд, — пишет Р. Мартен, — сближение семантики и категории истины даже противоречит здравому смыслу: предположения имеют смысл независимо от того, истинны ли они или ложны объективно» [12, с. 19]. К тому же целый ряд высказываний — вопросительные, побудительные, перформативные, дефинитивные и др. — не имеют истинностного значения. Однако, с другой стороны, бессмысленные высказыва-

⁵ Некоторая формальная специализация ИС для обозначения определенных групп объектов не может считаться их значением.

ния не могут быть ни истинными, ни ложными. Значит, истинностные характеристики предложения предполагают его осмысленность. Смысл предложения связан не с его объективной истинностью, а лишь с у с л о в и я м и его истинности или ложности. Именно таким образом «семантика условий истинности» объясняет осмысленность таких правильных, но неправдоподобных выражений, как *Я пробегаю 1000 метров менее чем за 10 секунд*. Между тем, в естественном языке не всегда возможно определить условия истинности предложений, особенно предложений абстрактного характера, не говоря уже о языке поэтических произведений, «находящихся по ту сторону истины и лжи» [12, с. 22]. Разрабатываемая Р. Мартеном относительно-истинностная семантика ограничивается изучением существующих между правильными и осмысленными предложениями истинностных отношений, судить о которых может любой человек, владеющий языком. Преимущества подобного подхода заключаются, по мнению автора, именно в том, что проблема смысла ставится не в абсолютных терминах — в этом случае она, по его словам, рискует быть неразрешимой, — а в относительном плане: задача заключается не в том, чтобы установить смысл предложения, а в том, чтобы определить, в каких истинностных отношениях оно находится с семантически связанными с ним предложениями. При этом исследуются отношения между прямыми, не зависящими от ситуации смыслами фраз. Ситуативные значения, столь же разнообразные и бесчисленные, как и сами ситуации, отнесены к совершенно иной области — к прагматике.

В изданной ранее книге Р. Мартена [16] были рассмотрены три вида отношений между предложениями: отношения логического вывода, антонимии и семантической эквивалентности. В книге «К логике смысла» круг изучаемых явлений значительно расширился, а методы исследования претерпели существенные изменения. В семантический анализ были включены новые понятия, частично заимствованные из многозначных логик: нечеткая истина, возможные миры, универсумы верований (*universes de croyance*), а также связанное с ними понятие истинности. В рамках относительно-истинностной семантики эти понятия, уже используемые в лингвистических описаниях, получили новое определение и применение.

Понятие аналитичности находится в центре семантической теории именно потому, что отношения между предложениями устанавливаются только в соответствии с их смыслом, не зависят от внешних условий и одинаковы для всех носителей языка. Аналитичность определяется как отношение между предложениями p и q , истинное для каждого человека, знающего данный язык, в любое время и в любом месте. Оно вводится в само определение относительно-истинностной семантики — семантики аналитических отношений между предложениями [12, с. 25].

В специальном разделе, посвященном категории истины, автор показывает, что в естественном языке истина относительна. Эта мысль проходит красной нитью через всю книгу. Лингвистическая истина относительна, ибо она допускает градации: предложение может быть более или менее истинным. Она модальна, т. е. связана с возможными мирами. Наконец, истина в языке утверждается говорящим, а это утверждение может не быть истинно объективно или с точки зрения слушающего, оно истинно в рамках определенного универсума.

Высказывание на естественном языке истинно в большей или меньшей степени в силу целого ряда причин. 1) Тот факт, что дискретные единицы языка членят континуум реальности, влечет за собой большую или мень-

шую неадекватность в отдельных зонах. 2) Нечеткость самих языковых обозначаемых связана как с континуумом полисемии (нечеткость разграничения значений полисемантических слов), так и с континуумом грамматических значений, что нашло свое отражение в гипотезе кинетизма Г. Гийома. Означаемое языковых единиц предстает как нечеткое множество различных по важности признаков. 3) В естественном языке возможно употребление слов с выборочным составом признаков (*usage sélectif*), например, в «тавтологических» предложениях типа *Деньги есть деньги*. 4) Значение слов варьируется у носителей языка в зависимости от их знаний, опыта, отношения к явлениям и т. д. Даже аналитические высказывания на естественном языке носят относительно-истинностный характер. Таковы словарные дефиниции, анализу которых, наряду с проблемами полисемии, автор посвящает вторую главу своей книги. Неопределенность словарных дефиниций связана как с их структурным многообразием, так и с различным набором смысловых элементов, через которые раскрывается содержание слов. Среди этих смысловых элементов, Р. Мартен теоретически разграничивает компоненты — универсальные предикаты, определители значений (в том числе дифференциальные компоненты — семы) и виртуэмы, выражающие необязательные признаки предметов и явлений. На практике же, замечает он, провести границу между этими разрядами весьма затруднительно, поскольку мнения носителей языка об обязательном или необязательном характере признаков существенно расходятся. Анкета, проведенная сотрудниками университета в Меце, показала, например, что ни один из признаков, отобранных для определения слова *auberge* «гостиница», не был признан опрошенными как обязательный.

Рассматривается также вопрос о ноэмах — семантических примитивах, необходимых для аксиоматизации лексикографических определений. Если в книге «Идифференция, антонимия и парафраза» ноэмы были определены как неделимые и неопределяемые единицы содержания, то в рассматриваемой книге ноэмы понимаются как универсалии эмпирического порядка, отражающие некоторые физические, физиологические, антропологические и культурные данности реального мира, настолько важные для жизни человека, что они не могут не оставить своего отпечатка в языке. Автор склоняется к мысли о том, что универсальный характер носят не столько содержания ноэм, сколько процедуры их выделения — операциональные универсалии, которые позволяют построить ноэматические системы, способные охватить весь словарь языка.

Несомненный интерес (не только теоретический, но и практический) представляет разработка вопросов полисемии на основе компонентного анализа. Усилия автора направлены на систематизацию и частично формализацию известных логических отношений между значениями. У существительного выделяются следующие виды полисемии: 1) сужение значения, происходящее в результате прибавления видовых сем к исходному значению; 2) расширение значения при угасании видовых сем; 3) метонимическое отношение, при котором содержание исходного слова становится видовой семой производного значения; 4) метафорическое отношение, при котором идентичность по крайней мере одной из видовых сем обуславливает подобие значений. 5-й и 6-й виды полисемии основаны на прибавлении одних сем и одновременном угасании других. 5-й вид полисемии характеризуется идентичностью архисемем исходного и производного значений (*rayon* «луч» → «радиус»; в том и в другом случае архисемема — «линия»). В 6-м виде полисемии архисемема исходного и произ-

водного значений различны (*plateau* «поднос» → «плато», соответственно архисемемы «подставка» и «местность»). У глаголов различается внутренняя полисемия, имеющая те же разновидности, что и полисемия существительных, и внешняя полисемия, связанная с семантикой актантов и сопровождающаяся иногда изменением управления.

Далее в книге Р. Мартена показаны нечеткость означаемых языковых знаков, постепенный переход от одних значений к другим. В качестве примеров берутся употребление артиклей и некоторых других определителей существительного; рассматриваются также метафорические высказывания, основанные на таком использовании слов, при котором часть их содержания остается «в тени» и сохраняются лишь контекстуально релевантные признаки. Например, когда устанавливается эквивалентность человека и волка (*Человек человеку = волк*), то из всех свойств волка выбираются лишь те, которые могут относиться и к человеку. Метафора всегда характеризуется семантической неопределенностью, т. к. результат употребления слова с сокращенным набором признаков, как правило, остается имплицитным.

Относительная истинность высказываний тесно связана с понятием «возможного мира». Семантика возможных миров объясняется либо незнанием прошлого (*Возможно, что Пьер вернулся*) и его гипотетическим представлением (*Пьер вернулся бы вчера, если бы...*), либо неуверенностью, неотделимой от будущего (*Пьер вернется*). И в том, и в другом случае высказывание помещается в воображаемые условия, при котором оно может быть истинным.

Понятие возможного мира может трактоваться по-разному: либо как необусловленная совокупность непротиворечивых фактов (в этом случае реальный мир предстает как один из бесчисленного множества возможных миров), либо как мир, альтернативный реальному миру и отличающийся от него чертами, отраженными в одном или нескольких предложениях, истинность которых в реальном мире не подтверждается [12, с. 31—32].

Понятие возможного мира подчинено понятию универсума верований: истинное во всех возможных мирах не обязательно истинно во всех универсумах, т. е. для всех говорящих, и наоборот, высказывание может быть представлено как истинное во всех возможных мирах лишь в каком-либо одном универсуме. Универсум определяется как неопределенное множество предложений, которые говорящий в момент речи считает истинными или хочет выдать за истинные [12, с. 36]. Как уже отмечалось, истинность высказывания в естественном языке — это не объективная истина, она утверждается говорящим причем не имеет значения, верит ли он или нет в то, что говорит, ошибается ли или хочет ввести в заблуждение адресата.

Понятие универсума говорящего дополняется понятиями гетероуниверсума и антиуниверсума. Гетероуниверсум — это множество предложений, истинных для того, чью речь передает говорящий; антиуниверсум — множество предложений, которые ложны в определенный момент, но которые могли бы быть или которые можно представить себе истинными. Так, нереальное время создает антиуниверсум. Предложение *Si Pierre avait réussi ...* может быть истинным в контрфактическом мире. Понятия возможных миров, универсума говорящего, гетеро- и антиуниверсумов позволяют по-новому осветить такие хорошо изученные грамматические явления во французском языке, как будущее время, сослагательное наклонение и *conditionnel*, которое автор рассматривает

как время, а не как наклонение. Следует отметить, что различные случаи употребления грамматических форм анализируются с учетом вероятности их появления.

В последней главе книги, названной «Семантика и прагматика. Истина реального мира» Р. Мартен намечает пути перехода к проблематике, связанной с речевыми актами, т. е. областью, которую он называет собственно прагматикой. В семантическом компоненте выделяются два уровня и соответственно две функции: 1) на фразовом уровне (*niveau phrastique*) определяются приемлемость и смысл предложения, зависящий от условий их истинности; 2) на уровне дискурса предложение включается в связный текст. Когезия (связность текста) основывается на таких критериях, как изотопия анафора, общность пресуппозиций, которые принадлежат тексту как таковому и не зависят от экстралингвистической ситуации [12, с. 204—206].

Среди критериев текстовой связанности особое место занимает тема-рема-тическое членение. Выделение темы автор связывает с понятием пресуппозиции, в которое вносится существенное уточнение: разграничение общих и частных (локальных) пресуппозиций. Общие пресуппозиции связаны с фактами экзистенциального или временного предшествования. Они обнаруживаются с помощью общего вопроса и фразового отрицания: предложение *Pierre est resté à Paris* имеет общую пресуппозицию *Pierre était à Paris*. Средствами выявления частных пресуппозиций служат частичный вопрос или отрицание одного из членов предложения *Le facteur vient de passer* (локальная пресуппозиция — *quelqu'un vient de passer*). Тема предложения, по мнению автора, есть не что иное, как его локальная пресуппозиция, которая уточняется только в контексте. При этом как локальные, тематические, так и общие пресуппозиции могут быть объективно информативны, они лишь представлены как неинформативные. Так, из предложения *L'an dernier, au Japon, Pierre a ...* адресат может узнать и то, что ему было, возможно, неизвестно, а именно, что в прошлом году Пьер был в Японии [12, с. 214].

Далее автор останавливается на разграничении темы и субъекта. Он выделяет четыре вида субъекта: логический, грамматический, семантический и тематический. Логический субъект — это чисто абстрактная единица, представляющая экстралингвистическую сущность, которая получает обозначение в языке. Грамматический субъект — это первый (или единственный) аргумент глагольного предиката. Семантический субъект совпадает с агенсом действия в теории глубинных падежей: *Sophie apprend par Pierre que ...* И, наконец, тематический субъект — это общая часть предложения и его локальной пресуппозиции. Вся проблематика тематизации и фокализации надстраивается над более глубинным уровнем, на котором предложение имеет инвариантный смысл: условия его истинности не зависят от этих операций [12, с. 229].

Что касается области прагматики, то в ней автор выделяет два различных раздела: иллокутивную и дискурсивную прагматику. Иллокутивная прагматика, являющаяся, в сущности, разделом семантики, занимается языковыми явлениями, которые «подготавливают» акты речи. Например, утвердительная или вопросительная формы предложения позволяют предвидеть утверждение или вопрос; слова *je, ici, maintenant* служат для уточнения «пространства высказывания» (*espace énonciatif*) [12, с. 228]. Другим важным понятием иллокутивной прагматики является детерминация (референция) с помощью артиклей, указательных, притяжательных местоимений и т. д. На уровне предложения детер-

минация происходит в чисто виртуальной ситуации, независимо от действительной референции в данном конкретном высказывании. Область собственно прагматики — это реальные высказывания в реальных ситуациях. Только такие высказывания могут быть оценены как истинные или ложные. Высказывание как результат конкретного речевого акта «навязывает» адресату представления, убеждения и верования говорящего. Например, высказывание *Он остался несмотря на возвращение Софьи* имеет пресуппозицию *Возвращение Софьи могло быть причиной его ухода*, которая дается как нечто само собой разумеющееся.

Интерпретативная прагматика объясняет пресуппозиционное и «ожидаемое» содержание высказываний, тогда как сами эти механизмы находятся в ведении семантики. Если же помимо этого аспекта высказывания учитывается вся совокупность ситуативных условий, имеет место реинтерпретация локутивного смысла высказывания (это ведет к установлению его действительного значения) и иллюкутивного действия (это ведет к перлокутивным, производным действиям). Например, высказывание *Я вернусь*, которое как предложение имеет иллюкутивный смысл утверждения, становится обещанием в устах гостя, комплиментом, адресованным посетителем ресторана его хозяйину, угрозой, если оно произнесено домовладельцем, требующим квартплату с жильцов, и т. д. Ввиду бесчисленного множества ситуаций возникает вопрос — кардинальный для определения прагматики как науки — о предсказуемости значений высказываний. На этот вопрос автор отвечает весьма осторожно. Прагматическая реинтерпретация может, по крайней мере частично, рассматриваться как лингвистика текста, где уточняются ситуационные данные; она использует данные других семиотик (мимика, интонация, жесты), связана со знанием законов дискурса (по Г. П. Грайсу), ее предсказуемость частично обеспечивается устоявшимся прагматическим использованием некоторых лексических элементов. И все же область прагматики столь неопределенна, что многие лингвисты предпочитают оставаться в рамках лингвистики текста.

Оценивая обе работы французских лингвистов в целом, можно, очевидно, отметить их стремление к широким обобщениям, приоритет, отдаваемый ими системным языковым явлениям, что выражается как в концепции референции Ж. Клейбера, в частности, в его положении о виртуальных референциях как основе актуальных референциальных актов, так и в расширении области семантики (за счет прагматики) в общей теории языка Р. Мартена. Отметим также, что хотя авторы избегают прямо ставить вопрос о соотношении языка, мышления и действительности, их анализ семантических явлений свидетельствует о том, что они подходят к этой проблеме с достаточно трезвых и реалистических позиций. Показательны в этом отношении описание Р. Мартемом содержательной структуры многозначных слов и его исследование группы лексем с целью обнаружения в словарном составе языка номатических элементов, которые, напомним, рассматриваются им как эмпирические универсалии (87—90). Эти изыскания предполагают, по существу, отражательную природу языковых единиц. В тех же случаях, когда упускается из виду важность определенного решения проблемы мир — мышление — язык, это ведет к нежелательным последствиям. Так, Ж. Клейбер распространяет каузальную теорию С. Крипке, в которой акт наречения свободен от каких-либо гносеологических предпосылок [17], на все выражения, способные к актуальной референции, что фактически приводит в противоречие с его пониманием виртуальных референтов

как абстрактных сущностей, концептов. Глубоко прав был А. Рей, писавший в свое время, что «самое скромное описательное изучение содержания лингвистических форм поднимает всю совокупность общих проблем, туманно именуемых философскими» [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Langages*. 1966. № 2: Logique et linguistique.
2. *Langages*. 1973. N 3: Logique et langage.
3. *Langages*. 1976. N 43: Modalités, logique, linguistique, sémiotique.
4. *Langages*. 1977. N 48: Quantificateurs et référence.
5. *Sémantique et logique*, sous la direction de Pottier B. P., 1976.
6. *Modèles logiques et niveaux d'analyse linguistique*. P., 1976.
7. *Langue française*. 1983. N 57: Grammaire et référenc.
8. *Ducrot O. Dire et ne pas dire*. P., 1972.
9. *Martin R. The French contribution to modern linguistics*. P., 1975. P. 53.
10. *Martin R. Logique et sémantique du français // Le français moderne*. 1978. N 4. P. 298.
11. *Kleiber G. Problèmes de référence: descriptions définies et noms propres*. P., 1980.
12. *Martin R. Pour une logique du sens*. P., 1983.
13. *Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М., 1982. С. 161.
14. *Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывание // Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М., 1982.
15. *Падучева Е. В. Высказывание и его соотношение с действительностью*. М., 1985. С. 89.
16. *Martin R. Inférence, antonymie et paraphrase*. P., 1976.
17. *Петрос В. В. Философские аспекты референции // Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М., 1982. С. 407.
18. *Rey A. Remarques sémantiques // Langue française*. 1969. № 4. P. 6.